

Инга Максимовская

**ОСОБА
КРУПНОГО РАЗМЕРА**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Максимовская И.**
Особа крупного размера / Инга Максимовская – М.: Литнет, 2026. – 156 с.

ISBN 978-5-521-98980-5

Как стремительно меняется моя жизнь! Еще утром я считала себя невестой. Сходив в ресторан на свидание с женихом, я узнала, что я толстая, блеклая и никому не нужная. А спустя еще полчаса я нашла в канализационном люке Дусю Малинину. Ей семь лет, и ее отец, оказывается, великий и ужасный Егор Малинин — олигарх и зло во плоти. И это ему я собираюсь объяснить, что за детьми нужно смотреть в оба глаза, не отвлекаясь ни на минуту. Но у Малинина на меня иные планы.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98980-5

© Литнет, 2026
© И. Максимовская, 2026

Глава 1

– Ну наконец-то, я уж думала, этого не случится, – улыбается мама, глядя, как я верчусь перед зеркалом в новом костюме. Мне он очень нравится. Изумрудный пиджак завязывается под грудью, скрывая все недостатки моей фигуры. Точнее, отсутствие талии, «толстинки» на боках и прочие несовершенства. – Но с чего вдруг ты так уверена, что сегодня твой Ромуальдо сделает тебе предложение?

– Я видела коробочку с кольцом у него в кармане, – восторженно цокаю языком. Этот цвет мне идёт. Подчёркивает мои веснушки и рыжину в волосах. – Блин, мам, ну не удержалась и посмотрела. Кольцо там обручальное. Вечером он меня в ресторан пригласил. И, пожалуйста, прекрати называть Ромку собачьей кличкой.

– Значит, ему можно тебя звать Жучей, а Ромуальдо у нас теперь плохо? – кривится мама. Она за меня рада. Рада, что я стану счастливой. Но Ромку она недолюбливает. И терпит только потому... потому, что нет на её дочу очереди из женихов. Не котируюсь я у мужчин как объект вожделения и воздыхания. Мне двадцать пять, я работаю продавцом в маленьком книжном магазинчике, втайне ото всех пишу детскую книгу про «девочку-обжору» и совсем не умею быть яркой. – Мама, прекрати. Ромка просто меня любит. Он увидел во мне родственную душу, и это восхитительно.

– Он увидел в тебе жертвенную муху с квартирой, в которую ты его прописала. И теперь он аж целый менеджер в фирме по продаже бойлеров. А так был безработным понаехавшим. Без угла и прописки.

Я выскакиваю из квартиры спустя полчаса маминых нравоучений. Я счастлива? Да. Мама просто перестраховывается. Она полюбит зятя, я уверена. Всё будет хорошо.

В ресторане играет приглушённая музыка. Я вижу Ромку сразу. Он нервничает – судя по тому, как нервно поглядывает на часы,

которые ему подарила я. Дорогие часы, я спустила на них все свои накопления. Он красивый, стройный. И, честно говоря, рядом с ним я чувствую себя неуклюжей и ужасно неповоротливой. Машу рукой моему почти жениху. Сердце пляшет какой-то зажигательный танец, совсем не совпадающий с заунывной музыкой, играющей в заведении.

– Наконец-то, Рита. Я заждался, – Ромка улыбается как-то натянуто. Подскакивает, чтобы пододвинуть мне стул. Мне тоже невозможно страшно. Никто и никогда ещё не делал мне предложения. У него колечко в кармане пиджака, который топорщится. И оно мне мало. Я померила, да, стыдно. Это же ведь не дурная примета. Правда? Но это же мелочи. Размер можно подогнать. И вообще...

– Слушай, я хотел сказать... – мой любимый наливает в кристальный стакан шипучий напиток. Пузырьки весело скачут ото дна бокала к пенной шапочке и обратно. Я не люблю это пойло. Вообще не выношу даже его запах. Но сердце у меня так же тихо шипит, как, мне кажется, в предвкушении. Я так этого ждала. Как все девочки, с нетерпением и трепетом. Я буду невестой. А потом женой. А потом мамой. И я буду самой счастливой. И...

– Я согласна, – шепчу я. Протягиваю руку моему суженому. Как же я счастлива.

– Что? Рит, не сбивай, я два дня уже собираюсь с духом, чтобы сказать тебе, что я полюбил другую женщину.

– Так, а дальше? – всё ещё улыбаюсь я, как глупая толстая дурочка, у которой под её чемоданообразным задом качается шикарный устойчивый мягкий стул.

– Рит, что я сказал, непонятно? – морщится Ромка. Мой Ромка. Мой мужчина, которому я готова была прямо сейчас отдать всю себя. – Я ухожу от тебя. Точнее, тебе сейчас лучше уйти. Потому что сейчас сюда придёт моя невеста. Будет неуместно. Не позорься.

– Подожди. Это что, шутка? – Боже, я ещё и жалкая. И сейчас я схожу с ума явно. Ну, потому что так же не должно быть. Хотя...

со мной такое случается постоянно. Я невезучая, толстая, ненужная никому. Я... – Скажи, что это шутка, умоляю.

– Ой. Только не нужно сцен. Рита, ну посмотри на себя. Неужели ты думаешь, что я могу быть счастлив с такой... толстой, ненакрашенной, блеклой? Ты превратилась в квашню. Одеваешься, как серая мышь.

– Я всегда была такой, Рома, – от обиды хочется рыдать. Хватаю со стола бокал, в котором уже скисла шипучка. Осушаю его в два глотка, хотя терпеть не могу. Гадость. Редкостная гадость. Гаже только то, что я сейчас чувствую. – И когда мы познакомились. Я была такой. И тебя это совсем не пугало и не отталкивало.

– Когда мы познакомились, на тебе не было вот этого чёртова костюма. И весила ты килограммов на пять меньше. Ты понимаешь, что я стесняюсь тебя брать на мероприятия фирменные? Ты мой статус втопчешь в грязь своим появлением. Рита, ты в зеркало, когда на себя смотрела в последний раз? Мне нужна яркая женщина. Яркая, а не аляпистая.

Аляпистая? Этот чёртов костюм я купила в Италии. Он прекрасный и стильный, по крайней мере, мне так казалось. Он так мне нравился. Я берегла наряд для важного случая. И врёт он всё. Я не поправилась ни на грамм с тех пор. Просто... просто я дура, вот и всё.

– Статус? – икаю я. – Статус младшего менеджера в компании, состоящей из десяти человек? Права была моя мамуля. Ты просто гадский мерзкий кусок...

– Вот, ещё и мать у тебя... Её языком можно бриться. Тебе бы, кстати, не помешало. Мой тебе совет: беги от этой старой ведьмы, научись одеваться, похудей, найди себе какого-нибудь, никому ненужного мужика попроще и будь счастлива. Рита, каждому горшку своя крышка.

В голове у меня мутится. От стресса или от дурацкого пойла. Или комбо. Что он несёт? Я ухаживаю за собой. Постоянно – эпиляция всех зон, лимфодренажем себя мучила, массаж этот ужасный

антицеллюлитный терпела, от которого у меня синяки по всему телу. Я всё это делала, чтобы соответствовать... кому? Боже.

– Не смей говорить плохо про мою маму, – всхлипнув, хватаю со стола бутылку с остатками мерзкого пойла. Ромка смотрит удивлённо. Правильно, я же амёба, дурочка из переулочка. Блеклая серая моль. Чего от меня ожидать? Только того, что я, рыдая, сбегу? А вот фигурки.

– Рита, ты что задумала? Слушай. Давай без сцен. Рита...

Дурачок. Он заткнул бутылку игристого пробкой, чтобы не выдохлось? Или... о, Боже. Он собирался делать предложение своей даме сердца с этой же бутылкой. Он ещё и крохобор. А ещё вчера казался мне хозяйственным и экономным. Как же тяжело прозревать.

– Какие сцены, Рома? Я желаю тебе счастья. Точнее, я желаю счастья твоей избраннице. Ей придётся туго. Жить с таким дерьмом – то ещё удовольствие, – бухчу я, встряхивая чёртову бутылку, которую вынула из раскисшего льда в серебряном ведёрке.

– Рита...

Пробка, словно пуля, выстреливает в лоб предателю и козлу. Ромка падает со стула как подкошенный. Как раз в тот момент, когда к столику, на метровых каблучищах, подходит королева красоты.

– Рома, что тут...

Красивая. Яркая. Блондинка. У неё в руке сумочка с блестящим логотипом известнейшего модного дома. А платье короткое, не скрывающее длинных стройных ног, шикарное. И я в своём праздничном «чехле» кажусь себе дурнушкой. Так оно, наверное, и есть. И Ромка прав. И я толстая серая жопастая мышь.

Я срываюсь с места, как ужаленная. Заливаюсь слезами, слепну, бегу, не разбирая дороги. Это ужасно. Господи, за что?.. Мне не больно даже. Мне просто омерзительно обидно.

Холодно на улице. Пальто моё так и осталось в гардеробе ресторана. Но возвращаться туда я не хочу ни за какие коврижки. Мне хочется бежать – от себя, от насмешливого взгляда длинноногой

и яркой невесты моего любимого мужчины. И я бегу, так, как никогда не бегала. И...

Выскакиваю на крыльцо ресторана и едва не сшибаю с ног шикарного мужика. Шикарного. Я это успеваю рассмотреть даже сквозь пелену слёз. Он мечется по мраморной площадке, словно раненый зверь. Кричит что-то в телефон. По мне он лишь мажет взглядом стальных глаз. Без интереса, как по жуку на улице. Хотя, что это я? Жуки, порой, вызывают в людях восторг. Особенно вот в таких, уверенных в себе дяденьках, у которых всё схвачено. Дома, наверняка, жена-красавица. А тут он просто... просто...

Я давно уже сбежала с белокаменной лестницы дорогой харчевни. Плевать мне на всех и на всё. И на машины с мигалками, вереницей несущиеся к тому самому ресторану, в котором меня втоптал в грязь тот, кому я готова была отдать себя всю без остатка.

Останавливаюсь я в какой-то подворотне. Тёмной и страшной, чтобы перевести дух и понять, что я ооченела от холода и что меня трясёт от нервного возбуждения. Приваливаюсь спиной к выщербленной стене. Вдох – выдох.

Замираю на месте от липкого ужаса, ледяной волной бегущего по позвоночнику. Господи, как в фильме ужасов. Тишина. Никого и...

Глава 2

Плач несётся, кажется, из-под земли. Тихий-тихий. Может, котёнок? Нет, котята не умеют всхлипывать.

– Эй, тут есть кто-то? – раздался в тишине ледяной улицы детский голосок. Я тут же вспоминаю все фильмы ужасов, которые когда-либо смотрела. Там вот так всё и начинается обычно. И мне бы надо бежать. Но ноги будто приросли к асфальту. – Помогите!

И я иду на голос. Как крыса за дудочником. Шаг второй. Ноги двигаются как у каторжанина, которому к ним приковали колодку. Ещё шаг, и... Господи, тут открыт люк канализационный, из которого жутко воняет – совсем не страхом. И что бы в нём делать маленькому ребёнку?

– Эй? – выдыхаю я, но из сжавшегося от страха горла выходит дурацкое бление. – Кто там?

Мне отвечает тишина. Мурашки уже не бегут по моему корпулентному телу, они несутся галопом, как стадо слонов. И, судя по ощущениям, каждая из них размером с кулак. Точно, вот сейчас на меня из тёмной бездны вылетит какой-нибудь безобидный предмет. Типа воздушного шарика. Красный шарик, точно. «Они летают, они все летают». Ну а потом вариации – либо адский клоун-людоед, либо куколка симпатичная, пожирающая души толстых дур. Короче, фортануло сегодня монстрам. Обожрут. Господи, о чём я думаю? Нужно просто вызвать МЧС, полицию. Нужно. Вот только телефон мой остался лежать в кармане пальто. А пальто где? Правильно, в ресторане. А ресторан где? Чёрт...

– Тётяшка, вы там? – тихий голосок, как мне кажется, полон боли. Так оно всегда и бывает. А и пофиг, пусть меня лучше проглотит монстр, чем возвращаться домой и слушать от мамы: «А я тебе говорила. А я предупреждала. А Ромка твой – кусок того, чем сейчас воняет из люка».

– Да. Я сейчас... Я схожу за помощью.

– Не уходите, пожалуйста, – снова всхлипывает тьма. – Мне страшно и больно. Я упала, и что-то у меня с рукой. И Анабель сбежала. Её надо найти.

Вот. Всё. Анабель. Точно. Она рыщет где-то совсем рядом. Затаилась и ждёт, когда я оступлюсь. Страх разливается по телу ледяной волной. Прекрасное завершение чудесного дня. Меня найдут обглоданной в вонючем канализационном колодце, если вообще найдут. Ладно хоть бельё надела парадно-выходное. Так стыдно не будет перед патологоанатомом.

– А ты кто? – дура я. Дура, дура, дура. Наклоняюсь над проклятым порталом в ад.

– Я Дуся. Дуся Малинина.

Странное имя для монстра. Обманывает, заманивает. Да и пофигу.

– А Анабель это...

– Котёнок, – всхлипывает тьма. Боже. Какая я дура. Там же ребёнок в этом люке. И этой маленькой девочке страшно и больно. И... – Я за ней побежала. Увидела в окно, думала, поймаю быстренько, пока папа вышел на секундочку. А она побежала, я за ней. Мне Эля сказала, ну, наша повариха, что меня к маме приведёт котёнок. Эля, наша повариха, а ещё она на картах гадает. И вот – увидела. А тут люк. Папа меня убьёт. Точно грохнет.

Котёнок. Не кукла. Слава тебе, Господи. Что же делать? Что делать? Нельзя оставить малышку одну тут, и как её вытащить – я не знаю. Оглядываюсь вокруг в поисках хоть чего-то, что мне могло бы помочь. Что, интересно, я пытаюсь найти? Палку? Глупость какая. У ребёнка рука болит. И котёнок. И... Боже мой, кроме того, что я неуклюжая, я ещё и беспомощная. Да уж, никогда мне не выйти замуж с такими шикарными данными.

– Тут лесенка есть. Но я не могу подняться. Ручка болит ужасно. И без Анабель я не могу уйти. Она же тут пропадёт. Тут мокро и темнотища. А она сбежала и где-то мяучит. Тётенька, вы же не ушли? Помогите, я замёрзла и промокла.

– Не ушла, – бухчу я, пропихиваясь в чёртов люк, нащупываю ногой осклизлую ступеньку, стараясь не думать о том, что я лезу в вонючую яму в своём самом парадном костюме и ботильонах из натуральной кожи. Ушла бы я, как же. Я котёнка бы не бросила, а тут целая Дуся Малинина. И, судя по всему, девочка ранена. И когда я её достану и найду её отца, то я этому дураку объясню, как надо следить за детьми. На минутку он отвернулся, блин. Разве можно оставлять детей одних даже на секунду? Наверняка он был занят какой-нибудь ерундой. – Эй, ты говори со мной, – позвала я притихшую малышку. – Расскажи мне, где же вы с папой были? Ты из дома сбежала? Папа, наверное, переживает там за тебя. И мама тоже.

– Не. Я из ресторана сбежала. Мы туда покушать заехали. А папа, наверное, сейчас орёт на Петю, охранника, и обещает всех вывернуть наизнанку, – вздохнула темнота. – А ещё уже, наверное, поднял в воздух полицейские вертолёт и сейчас лопается от злости. А мамы у меня нет. Тётяшка, я же вам говорю, маму мне нужно найти. Срочно. Эля сказала...

Надо же, какая огненная у ребёнка фантазия. Мне бы такую. Я бы сказку написала, закачаешься. Издала бы её, стала бы богатой, как мама Гарри Поттера, и тогда бы Ромка не кинул меня так позорно и обидно. А может, и к лучшему, что я нищая, как крыса подвальной, точнее, теперь канализационная. Так бы я и жила, находясь в сказочном заблуждении и думая, что мой суженый любит именно меня, а не то, что я могу ему дать. Могла... Ой...

Нога соскальзывает с последней ступеньки, и я от неожиданности расцепляю руки, которыми держалась за перекладину. Конец обуви. Ботильоны тут же заполняются ледяной жижой. Я стараюсь поверить, что там просто вода. Едва успеваю снова ухватиться за перекладину. А то бы грохнулась всеми своими шикарными ста килограммами, подняв тучу брызг. Да, и пловец из меня – так себе.

– Эй, Дуся Малинина. Ты где? – в душу снова начинает запол-